

ПАУЧЬЯ ВДОВА
Том 1

ПАУЧЬЯ ВДОВА
Том 2

Глава 1

Открывать глаза не хочется, но необходимо понять — жива ли я?

Или уже нет...

Та машина вырулила из ниоткуда.

Моё тело помнит удар. Но боли нет. Вообще никакой. Это странно.

Пытаюсь почувствовать конечности — это выходит довольно просто. Я могу двигать руками, могу двигать ногами; могу двигать даже головой, но она, кажется, весит тонну. Слово из шеи исчезли все мышцы и я вдруг впервые поняла, насколько тяжёлым является содержимое моей черепной коробки... Это мои мысли столько весят? Или нереализованные мечты?

Почему так тяжело?..

Пытаюсь приподняться. Надо сделать это. Открыть их. Увидеть, что со мной стало — или чего *не* стало. Долго прятаться от реальности не получится.

Приоткрываю один...

И ни черта не вижу. Что за чернота вокруг? И откуда просветы? Авария произошла днём — и никак не на заброшенном заводе, чтобы сейчас угадывать вокруг стены какого-то помещения...

Открываю второй глаз и с удивлением отмечаю, что «чернота вокруг» — это волосы. Чёрные волосы.

— Что за?.. — Хочу выругаться, но в горле слишком сухо. Откашлявшись, тяну за волос.

Может, мне на голову кто-то парик накинул? Или я проснулась от десятилетней комы, когда моё каре уже

отросло до талии?.. Но это никак не объясняет цвет: у меня он тёплый, светло-русый...

Кожу головы что-то тянет.

Осознаю, что чёрная копна — моя.

Вообще ничего не понимаю. Откидываю назад «своё родное» и смотрю по сторонам.

Я в сарае.

Я в сарае?

Какого чёрта я в сарае?!

Опускаю взгляд на пол и едва не начинаю стонать в голос... потому что на полу прямо подо мной расчерчен какой-то круг с непонятными письменами внутри. Моё бездыханное тело выкрали прямо с улицы и отвезли в глушь для каких-то сатанинских обрядов?! Тогда как я смогла очнуться? Это какой-то новый вид медицины? Незапатентованный — а оттого и секретный?

Ведь я в итоге смогла оклематься. Даже чёрные волосы отрастила. Кого мне теперь благодарить?..

Помогаю себе руками и встаю на ноги. Смотрю на простое чёрное платье, в которое я была облачена, и продолжаю активно ничего не понимать.

Это дичь какая-то!

У меня украли одежду? Тот костюм был дорогим. Я за него сорок тысяч отдала. И сумка... где моя сумка?.. Там всё: карты, ключи, телефон.

Телефон!

Чёрт, они ещё и телефон забрали.

Приподнимаю подол, чтобы не создавал звуков при ходьбе, и бесшумно иду к двери. Она закрыта изнутри. Так, хорошо. Выходит, я очнулась после аварии где-то поблизости, успела отбиться от своих похитителей и спряталась в сарае... в сарае, где был расчерчен какой-то ритуальный круг... *опускаю взгляд на ладони...* где был расчерчен какой-то ритуальный круг, судя по всему, моими собственными руками... так, хорошо, я заснула в сарае в странном платье, прямо после своего собственного похищения из центра города и прямо из-под камер на дороге, и за пару часов сна в центре круга, расчерченного

моими собственными руками, я отрастила себе волосы до попы.

Что ж, теперь всё понятно.

Как-то даже легче стало.

Какого лешего вокруг творится?!

Спокойно, мать, ты либо бредишь, либо не бредишь. Другого не дано.

Да, я успокаиваю себя сама.

Иначе никак.

Осторожно приоткрываю замок...

Снаружи никого. Ну, если не считать деревьев и тропинки куда-то в глубь леса.

А ещё нещадно сплит солнце... выходит, сейчас часов двенадцать... Сколько я пролежала в этом сарае?! Сутки?

Осторожно продвигаюсь вперёд, каждую секунду ожидая появления тех самых похитителей, которые не то сами сатанисты, не то гипнотизёры-экспериментаторы, решившие провести опыт над случайно выбранной девушкой...

Мне просто не повезло попасть под машину у них на глазах; они украли моё тело, вывезли его из города и... чёрт, длинные чёрные волосы я никак не могу объяснить! Даже если заставлю саму себя поверить во всю эту дичь с похищением и своим внезапно обнаружившимся интересом к колдовским ритуалам!!!

Выхожу по тропинке к небольшому строению, которое могло бы называться домом где-нибудь, ну, я не знаю, в сериале «Игра престолов»?.. Таких домов больше не строят. Лет этак... триста... И я сейчас, конечно, имею в виду Европу, а не Россию: у нас такие здания из камня в принципе никогда не были распространены в архитектуре...

Так... ладно... *вопрос один — заходить или нет?*

Вопрос, по сути, риторический: если я не найду, я не разберусь, что здесь вообще происходит. Может, там какие люди есть, которые пояснят доступно, как так вышло, что я... здесь?..

Вздыхаю, запуская пальцы в волосы, затем вспоминаю о том, что они у меня теперь длинные, да ещё и нечёса-

ные. Отлично. Смотрю с немалой долей скепсиса на чёрный колтун, остановивший движение руки, и решаю своё «добро» отросшее больше не трогать. Для начала нужно найти расчёску. Хотя бы.

Захожу в дом, вежливо постучав в дверь.

Никто не отзывается, поэтому решаю не останавливаться. Внутри и впрямь всё, как в кино. Какая-то утварь, лавки, деревянный стол, которому лет сто... он из поколения в поколение, что ли, передаётся?.. Прохожу к нему и беру бесформенную булку из корзины. Хлеб. По крайней мере, пахнет хлебом. Откусываю... съедобно. Только несолено.

Прохожу дальше — в дальнюю часть помещения, где было несколько дверей в разные комнаты. Открываю одну из них... и резко отшатываюсь обратно, напарываясь спиной на противоположную дверь и проваливаясь во вторую комнату. Быстро разворачиваюсь... и вновь вылезаю в коридор, но на этот раз бегу к самому выходу!

— Что за чёрт?! — кричу, едва справляясь с управлением своим телом.

В комнатах были трупы людей. Совсем даже не старых людей, без каких-либо следов насильственной смерти... Все они лежали в постелях, у всех у них были открыты глаза, и все они окоченели с одним и тем же выражением на лице. Выражением ужаса.

Вырываюсь на воздух и растерянно оглядываюсь по сторонам. Что это? Чья-то злая шутка? Почему они мертвы?!

Начинаю слышать какие-то звуки — чей-то голос, весело рассуждающий то ли о погоде, то ли ещё о чём... и испуганно бегу в другую сторону; прячусь среди кустов. Когда из-за поворота появляются несколько мужчин с вилами, моё сердце уходит в пятки. Если это ролевики, то они очень серьёзно подходят к своему развлечению...

Это слишком убедительно. Это всё. Их костюмы, их волосы, простые черты их лиц, их грязные руки...

— ...Да, но что-то их голосов не слышно, словно они решили не вставать с постелей, — хмыкнув, громко про-

износит один из мужиков и останавливается перед входом. — Эй, хозяйева! А кто нас кормить будет?

Из дома не доносится ни звука, и мужики удивлённо переглядываются.

— Они вышли куда? — хмурясь, спрашивает первый.

— Ты иди, проверь, может, случилось что, — предлагает ему второй.

Третий кивает с насторожённым видом, а сам начинает по сторонам смотреть.

Наклоняюсь к самой земле, не отдавая себе отчёта в действиях.

Я чего-то боюсь? Но чего? Что меня обвинят в их смерти? По закону жанра так и должно произойти: я — чужачка, которая очнулась в центре какой-то пентаграммы!

Но если я боюсь такого исхода, это значит, что я приняла всё происходящее за действительность.

А я не хочу этого принимать!

— Сгинь, нечистый дух! — кричит мужик, выбегая из дома и стряхивая с себя что-то невидимое.

— Что там? — взволнованно спрашивают его товарищи.

— Они мертвы! Все мертвы! И, кажется, с ночи! Они все в кроватях лежат с открытыми глазами! — испуганно отвечает первый, а я начинаю пятиться назад, в глубь пролеска.

Не знаю, правда это или нет, но мне всё это очень не нравится! Если кто-то играет со мной, то я бы предпочла выйти из игры прямо сейчас: не хочу участвовать в том, чего не понимаю.

— Там кто-то есть! Слышите шорох? — Голос одного из мужчин вынуждает меня замереть на месте.

— Может, зверь? — предполагает второй.

— Или убийца... — протягивает третий.

— Но ты же сказал, что они умерли ещё ночью, — напряжённо проговаривает второй первому, а я делаю ещё один осторожный шаг назад.

В такой ситуации, как эта, мне может навредить не столько неудачное стечение обстоятельств, сколько людское невежество.

— Надо звать управляющего, — протягивает первый не менее напряжённо, — если это какое-то колдовство, то мы все в опасности.

— Колдовство? — нарочито медленно переспрашивает третий. — Думаешь, их убили? Но кому мог помешать пекарь с семьёй?..

— Хороший вопрос. И не нам на него отвечать, — произносит самый главный среди них, а затем отдаёт команду: — Осмотритесь здесь, а я посыльного отправлю. Нельзя допустить, чтобы убийца безнаказанным ушёл.

Ну, вот! Теперь я встряла! Понятия не имею, что происходит вокруг и почему я оказалась втянута в какую-то странную средневековую историю, но факт остаётся фактом — я проснулась в центре пентаграммы. Значит, я была частью какого-то обряда. Вполне возможно, что этот обряд проводил какой-то опытный колдун... боже, о чём я?! *Какой колдун? Какой обряд? Как мне прийти в себя?!*

Разворачиваюсь и начинаю бежать вперед. Не глядя. Не думая о том, как глупо это выглядит со стороны, если моё бездыханное тело смеха ради затащили на территорию ролевиков.

Мне страшно.

Потому что волосы за ночь не отрастают. И потому что тело моё кажется слишком худым. И потому что я не чувствую никакой боли — а ведь удар о капот был сильный...

Если я переродилась в каком-то другом мире, то, пожалуйста, дайте мне какой-нибудь знак! Хоть кто-нибудь! Я должна понимать, что это не бред и что моя жизнь в данный момент на кону! Хотя — куда уж больше?.. Я и так это понимаю — вон как бегу! Аж пятки сверкают! Учитель физкультуры в школе однозначно б оценил!

Но что-то мне совсем не смешно. Мне жутко. Сердце стучит как ненормальное. Оно, как и я, не может поверить, что так бывает. Что люди могут проснуться в другой реальности и в чужом теле. Это только на страницах книг возможно; но мир лишён волшебства — так какого чёрта?!

Когда лес вокруг становится почти непроходимым, я останавливаюсь у самого высокого и могучего дерева и лезу наверх; не сразу, но понимаю, что вниз спуститься сил уже точно не хватит, но об этом я подумаю потом. А сейчас нужно осмотреться.

Так, позади у нас какое-то поселение — то ли деревня, то ли село, чтоб я ещё знала разницу...

Туда мне идти не надо. Там все сразу смекнут, что странная женщина с огромными испуганными глазами может быть причиной смерти доброго пекаря и его семьи... Нет, туда мне нельзя. Нужно найти какое-то другое место...

Проблема в том, что впереди был лишь лес. Я — городской житель и ориентироваться умею только благодаря приложению на телефоне. Однако вариантов у меня не много, а назад дороги нет. В конце концов, когда-то деревья должны будут закончиться — куда-нибудь, да выйду. Лишь бы понять, что теперь делать.

Даю себе время на отдых, отмечая дикое напряжение во всём теле. Когда дыхание выравнивается, плету из волос подобие косы и откидываю её назад; затем спускаюсь вниз и начинаю идти вперёд...

Понятия не имею, сколько времени проходит, но мои ноги уже гудят, а глаза отказываются чётко видеть мир. Надо где-то отдохнуть. И что-нибудь съесть. Мой живот в узел от голода заворачивается.

В конце уже бреду вперёд на автомате; готова выть от усталости, но держусь... впереди вижу просвет. Это край леса?.. Медленно подхожу к толстому дереву и осторожно выглядываю из-за ствола. Впереди какое-то подобие дома. Из трубы валит дым. Выходит, там есть люди.

Есть хочу до смерти...

Но идти вперёд боюсь. Тоже — до смерти.

Так... нужно мыслить логически. Если я сейчас не добуду еды, о дальнейшем забеге можно забыть. Да и куда бежать? Мне бы узнать, кто я и где моё место в этом мире?

Сжимаю кулаки... и выхожу из-за деревьев. Прохожу мимо деревянного ведра, полного воды. Не удерживаюсь и черпаю оттуда ладонью. Жадно глотаю.

Утолив первую потребность, прислушиваюсь и иду к дому. Кажется, внутри никого. Но печь работает... Боже, надеюсь, там есть хоть что-то съестное.

Захожу и первым делом иду к столу: тут овощи! И хлеб!

Простите меня, хозяева, но сдерживаться я не буду — иначе загнусь.

Отправляю в рот всё, что нахожу, тщательно пережёвывая и запивая чем-то, отдалённо напоминающим квас. Кажется, это алкоголь...

Плевать: если не буду пить — подавлюсь. Смерть от непроглоченного куска пугает не меньше, чем смерть на костре по обвинению в колдовстве. Не знаю, кто я здесь, но жить мне хочется. Это нормальное такое желание.

— Ого! А у нас в доме завёлся грызун!

Голос принадлежал мужчине, смешки — ещё нескольким представителям сильного пола. Что здесь вообще с женщинами? Почему я их почти не вижу? Мёртвая девчонка в доме пекаря не в счёт.

Думаю, самое время проверить, как у меня здесь с речью: вдруг никто не поймёт ни слова?..

— Добрый день, — выдавливаю из себя и изумлённо застываю, услышав голос.

Не свой голос.

По коже бегут мурашки.

Это не мой голос!

— Ты чего так испугалась? Думаешь, мы тебя обидим? — усмехается высокий и крепкий детина, глядя на меня сверху вниз.

— Я прошу прощения... Меня мучил голод... — аккуратно подбираю слова, следя за вторым детиной, обходящим меня по кругу.

— Так ты у нас еду украла? Нехорошо, — качает головой тот, что заговорил первым.

Почему я вижу на его лице недобрую улыбку?..

— Я потерялась в лесу... Не знаю, где я... — взволнованно слежу за перемещениями хозяев дома, понятия не имея, чего ожидать.

— А как ты в лес-то попала? Сбежала из дому, что ли? — склоняет голову детина.

— Не знаю. Я ничего не помню... — мягко отвечаю, машинально обнимая себя за плечи. Словно пытаюсь закрыться от их взглядов.

— Что — ни имени, ни рода? — удивляется первый, переглядываясь со вторым.

— Ничего не помню, — отступаю на шаг.

Те двое, что стояли у входа и молчали, начинают двигаться в мою сторону.

— Если ты ничего не помнишь о себе, значит, у тебя проблемы с памятью, — логично предполагает самый разговорчивый, — либо ты притворяешься... и бежишь от кого-то.

— Я ни от кого не бегу... — выдавливаю, загоняя себя в угол.

— Хорошо, но ты же куда-то идёшь? И откуда-то... — приближается ко мне мужчина.

— Я не помню, откуда я иду, — произношу, напряжённо глядя на него.

— Пряма-таки не помнишь? — усмехается тот.

— Нет, — качаю головой.

Никто не должен ассоциировать меня с тем сараем и с тем домом, полным трупов.

— Ни того, куда идёшь, ни того, кто ты... — продолжает рассуждать он.

— Нет, — ещё тише произношу.

— Бедняжка, — произносит кто-то за моей спиной, а в следующую секунду на моей талии появляются руки.

Пытаюсь закричать, но рот тут же закрывают широкой ладонью!

— Давно у меня девки не было! — радостно произносит один из четвёрки, уже не знаю — какой! На моих глазах слёзы от ужаса: меня насиловать собрались?! И кто?! Какие-то непонятные мужики, лиц которых я не в состоянии запомнить?!?

— Рви её платье! — слышу команду.

И отключаюсь, ощутив, как резко похолодело тело.

Глава 2

Когда открываю глаза, солнце всё так же светит в окна. Выходит, я потеряла сознание буквально на полчаса... может, на час. Медленно поднимаюсь на ноги, попутно отмечая пульсирующие места на теле — от рук насильников — и замечая разорванный подол у платья... Вот только самого страшного не произошло. Я не чувствую этого.

Моё тело не осквернено.

Да и сами насильники куда-то пропали. Я на полу лежу одна.

Они меня напугали и работать ушли? Что вообще...

Застываю, заметив инородный предмет краем глаза. В верхнем углу дома, под самым потолком...

Это что... такое?..

Присматриваюсь к огромному белому кокону, крепившемуся к стенам и потолку такими же белыми и прочными нитями. Затем что-то дёргает меня посмотреть в другой угол — и я вижу ещё один... в третьем углу оказался такой же кокон, как и в четвёртом. Подхожу к одному из углов и внимательно присматриваюсь к содержимому странного свёртка... А затем падаю на колени и освобождаю свой желудок от недавно съеденной еды.

Там человек! Внутри этой штуки — человек! Мёртвый человек! Тот самый детина, что рвал на мне платье!

Да что за чертовщина здесь творится?!

Вытираю подбородок рукавом и вылетаю из дома. Понятия не имею, куда бежать, потому бегу куда глаза глядят! Не жалея сил бегу! Не чувствуя ног от страха! Когда вокруг сгущается темень, бреду наугад, с усилием продолжая переставлять ноги. Главное — не останавливаться... Нужно уйти как можно дальше от тех, мёртвых... Их смерть не должны ассоциировать со мной... Ни в коем случае! Я не виновата! Ни в этот раз, ни в тот! Это не моя вина!

Сама не понимаю, откуда вновь берутся силы, и я вновь бегу, натываясь на деревья, царапая лицо о вет-

ки, почти не разбирая дороги, и, когда выбегаю на поле, засеянное пшеницей, и вижу женщину — живую, склонившуюся над колосьями, одетую в такое же длинное платье, как и я... — мчусь к ней и падаю у её ног, начиная рыдать в голос.

Дальше помню смутно... кажется, меня подняли и довели до какого-то дома... потом о чём-то спрашивали... как-то успокаивали... чем-то кормили... я была словно в вакууме и вообще не понимала, что вокруг происходит и чего от меня хотят. Пришла в себя лишь тогда, когда услышала звук шагов человека, спускавшегося с лестницы. Тяжёлых шагов. Шагов мужчины... Понятия не имею, что на тот момент творилось с моей психикой, но я забилась в угол с куском хлеба и затравленно следила, как человек в высоких кожаных сапогах и странном плаще, скрывающем одежду, не торопясь спускался вниз. Я запомнила его взгляд, брошенный на меня. Безразличный — внешне, но отмечающий что-то про себя... Он остановился лишь на мгновение и сразу направился на выход, не давая возможности запомнить своё лицо.

Не помню, сколько я просидела, глядя ему вслед, помню только, что та женщина в платье и чепце, что привела меня, ушла за ним и долго не возвращалась.

Я начала прислушиваться к голосам в доме.

— Ты видела её платье?

— У неё всё лицо в царапинах... скорее всего, бежала через лес...

— Бедняжка! Что же с ней сделали? И кто?..

— Да разве ж она расскажет? Ты посмотри, что с ней стало! Даже на человека не похожа.

Разговор шёл между двумя кухарками трактира, которых я почти не видела, потому как сидела на полу в самом углу помещения, а огромный деревянный стол перекрывал видимость.

Но по их голосам я поняла, что подобные случаи — не редкость. Женщинам опасно ходить в одиночку по этой земле.

Вот только — почему?..

Когда та, что привела меня, возвращается, я всё ещё не могу выдать ни звука: боюсь, что меня погонят прочь или ещё хуже — заставят отвечать за все те убийства, к которым я не имела никакого отношения. В доброту людскую я уже не верю. Не в тот мир попала.

Стараясь не думать о том, что я сошла с ума, иду за женщиной в чепце... Меня заводят в какую-то комнатку и велят ждать. А чего ждать? Не объясняют...

Когда остаюсь одна, вновь забиваюсь в угол и напряжённо смотрю на дверь. И вновь жду.

И вновь теряю счёт времени — оттого испуганно вздрагиваю, когда дверь резко открывается.

— Милая моя, — неожиданно появляется передо мной совершенно незнакомая мне женщина в добротном платье и с аккуратно убранными волосами, — поднимайтесь, прошу вас!

Слегка удивлённая сменой отношения, слушаюсь, опираясь на её руки и вставая на ноги.

— Прошу, идёте за мной, — и женщина выводит меня в коридор, а затем через кухню — прямо на выход, почему-то придерживая за голову и словно прикрывая моё лицо от глаз работавших там кухарок.

Уже снаружи на меня накидывают плащ с капюшоном, а затем ведут по оживлённым улицам поселения куда-то вперёд. Стараюсь не думать о том, что происходит. Почему-то этой женщине хочется довериться и не ждать от неё подвоха. Поэтому, когда меня заводят в какой-то добротный дом — правда, с чёрного хода, — я слегка расслабляюсь. Лучше иметь дело с образованными людьми, чем со слугами или рабочими мужиками. Здесь я хотя бы смогу получить какую-то информацию.

Шепотки, доносившиеся до меня, пока я ждала у двери, слегка спутали мои мысли:

— Ты уверена? — мужской голос, принадлежащий какому-то очень мягкому человеку, привыкшему прислуживать.

— Он сам так сказал, — ответ той женщины, что привела меня, — он же послал за мной.

— Но это невозможно! Её же считают...

— Тише! Если он сказал, значит, возможно. Помни о своем долге!

— Конечно-конечно... Я сделаю всё, что нужно...

Затем ко мне вновь вышла моя новая провожатая и повела на второй этаж, где была огромная ванная, наполненная горячей водой.

Рядом с нею стояла безликая служанка, готовая помочь мне обмыть тело.

— Вам нужно... — произносит женщина и замолкает, словно не зная, как закончить предложение; её взгляд направлен на моё платье, больше не скрытое плащом; она смотрит на него, будто впервые заметив или впервые дав себе установку — *увидеть*, что со мной произошло. — Госпожа, мне так жаль!

— Госпожа? — переспрашиваю, напряжённо глядя на неё.

— Прошу вас, снимите это платье, вам нужно принять ванну...

«И забыть всё то, что с вами произошло».

Она не сказала этого вслух, но почему-то я чётко почувствовала, что она хотела это добавить — но сдержалась.

Следую её совету и стягиваю с себя одежду. Заметив синяки на моих руках, женщина закрывает лицо и едва сдерживает поражённый вздох.

Что такое? Они же догадывались о том, что со мной произошло! К чему сейчас эти реакции? Или ей ни о чём не рассказали? Кто она вообще?..

Забираюсь в воду и позволяю молчаливой работнице обмыть моё тело. Сама я сейчас ни на что не способна. Ни на что, кроме мысли: что поменялось?..

Почему ко мне так относятся? Почему называют госпожой? Кто я?..

И почему те четверо меня не узнали?

Те четверо, что сейчас висят в коконах, мёртвые...

Не думать об этом! Не думать.

— Синяки заживут, госпожа. Царапины на лице тоже. Это особая вода, в ней травы, исцеляющие и тело, и ду-

шу. Вы будете как новенькая — совсем скоро! Лишь дайте нам позаботиться о вас! — причитала женщина, всё больше озадачивая меня.

На простую девку так тратиться не будут. И госпожой её тоже называть не будут. Меня кто-то узнал? Кто-то из тех, кто раньше видел... это тело?

Тогда сейчас мне нужен ответ лишь на один вопрос.

— Кто я? — спрашиваю ровным голосом, и рука с тряпкой на моей спине замирает.

А лицо женщины, ожидавшей у входа, резко бледнеет.

Так, ясно. Лучше дождаться, когда мы останемся наедине.

— Продолжай, — поворачиваю голову к служанке, и та вновь начинает омыwać моё тело.

Молча сношу процедуру, отмечая появление ясности в сознании — особенно когда прислужница добралась до кожи головы.

И впрямь — волшебная травка. Мой страх и моя паника почти сошли на нет. Теперь я могу здраво мыслить. А это значит — пора действовать.

Дожидаюсь, когда меня оботрут и уведут в комнату, наполненную светом от свечей. Сколько сейчас времени? Десять вечера? Или уже перевалило за полночь?.. Как сложно без часов. В покоях, выделенных специально для меня, мне предоставляют платье, которое выглядит намного дороже, чем одежда женщины, приведшей меня в этот дом...

Отпускаю работницу кивком, разворачиваюсь к своей спасительнице и вновь повторяю вопрос:

— Кто я?

— Госпожа, — то ли отвечает, то ли спрашивает она.

— Кто ты? — задаю второй вопрос.

— Ваша слуга, моя госпожа, как и все здесь, — покорно отвечает она, и я чувствую — на этот вопрос она может ответить без запинки. В отличие от того, предыдущего.

— Как тебя зовут? — спрашиваю так же ровно.

— Должно быть, вы меня уже не помните... моё имя — Мора, моя госпожа, — вновь покорно отвечает женщина.